

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Возвращение	9
Здравствуй, лес	15
Детство	21
Мои «сожители».....	25
«На что похожа моя жизнь?».....	33
Деревенская любовь	42
Как мойка высокого давления поехала в писательскую глушь	48
Как мама сделала дорогу в деревне	55
На золотом крыльце сидели.....	78
Семья. Мои мама и папа.....	82
Ремесло словесное.....	103
Семейный музей.....	118
Документ	119
Прапрапрадед Петр	121
Прапрадед Антон	122
Прадед Данила и прабабушка Евдося	122
Дед Гриша и бабушка Лена	123
Мамины праздники.....	133
Папины праздники.....	144
Маленький город.....	148
«А жених-то у тебя есть?».....	154
«Аисты всегда летят домой».....	158
Осторожно: Бог	162
Солнце взойдёт.....	173
Заклучение	184

Моим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды ехала в поезде и читала сборник Токаревой, который ухватила в минском книжном перед отъездом.

Токарева там пишет, что, пока работала учительницей в школе, постоянно чувствовала, что сидит в зале ожидания и ее поезд никак не придет. А когда напечатали ее первый рассказ — это как будто поезд наконец пришел. И она поехала в свою судьбу.

Как хорошо, что однажды я вышла из зала ожидания и села в свой поезд. Меня часто спрашивают, как найти себя, свое место, свое дело. Если кратко: решиться поменять жизнь, сидеть без денег, страдать, молиться, слушать советы, как жить, опять страдать, сидеть без денег, верить, не верить, молиться, сидеть без денег, начать делать то, что хочется, но все равно сидеть без денег. Слушать советы. Верить, верить, верить. Делать только то, что хочется, даже если предлагают большие деньги за то, что не хочется.

Если решаешь жить свою жизнь, что-то обязательно произойдет. Что-то случится. То, что нельзя спланировать, предугадать, что невозможно представить.

Но это плохой алгоритм, он мало кому нравится, потому что в нем нет никаких гарантий.

Моя жизнь в деревне — это не столько потому, что я люблю деревню, а потому, что меня сюда поставил Бог. Сказал: «сиди здесь». Я так почувствовала. И именно поэтому здесь я ощущаю полное согласие с собой. У писательницы Ольги Примаченко есть такая фраза: «Когда ты совпадаешь с собой по краям». Вот именно так я и совпадаю — моя душа на своем месте.

И только это чувство помогало мне преодолеть все трудности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Каждый год в октябре в мой деревенский домик приходят газовики, чтобы перед отопительным сезоном проверить оборудование. Обычно их приходы очень меня расстраивают.

Когда я только переехала в деревню, оказалось, что газовый котел, который ставила еще бабушка, нужно менять. Была зима, опасный прибор отключили, и я спала под одеялом в одежде. Потом выяснилось, что не годится и плита. За шесть лет жизни в деревне в газовом оборудовании регулярно нужно было менять то какие-то краники, то прокладки, то датчики. Так что представители этой профессии меня всегда настораживают.

Сегодня опять приехал газовик. Все шло хорошо, пока он не начал нюхать шланг. Очень старательно нюхал. Предложил понюхать и мне. Я послушно подошла.

— Ну, что? — спросил он.

— Мне нравится, — сказала я.

— Нет, все-таки что-то есть, — не успокаивался он.

Достал какой-то прибор, поводит им по шлангу. Выдал заключение: нужно менять.

«Ну вот», — подумала я.

— Есть кому поменять? — спросил он. Пока я думала, конкретизировал: — Ну, мужчина в доме есть?

Стою, молчу.

— Ну, муж??

— Ну, нет!

— Печально, — вздохнул газовик.

— Печально, — согласилась я.

Мы помолчали.

— Хотите, я буду ходить по домам и говорить, что вон там живет молодая красивая женщина? — спросил газовик и сел заполнять бумаги.

— Хочу, — вдруг ответила я. И все-таки добавила: — Шутка.

— А вообще, от мужиков одни проблемы! — добавил газовик, не отрываясь от бумаг.

— Думаете?

— Точно!

Поговорили, давно ли я тут живу, чем занимаюсь. Из моего рассказа мастер заключил, что жизнь моя совершенно замечательная, работа журналистом замечательная, место тут тоже замечательное, остается сидеть и радоваться.

Я представила, что именно это он написал в бумагах, где указано, что мне нужно купить угарный датчик и шланг. И именно под этим подписалась.

Я угостила его грушами. Он сказал, что в деревне люди добрее и проще, его угощают всем: водкой, орехами, яблоками. А в городе совсем не так. Злятся, ругают, качают права.

Газовик вдруг оторвался от бумаг, вспоминая какой-то случай с работы, и с чувством выругался.

— Простите, я матюкнулся, — виновато улыбнулся он. — Ну, просто иногда не хватает на них слов.

— Ничего, ничего. Я понимаю, — сказала я.

— Шланги, датчики — это ерунда. Главное что? Живое общение! Вот как мы отлично пообщались! — резюмировал газовик, собрал свой чемоданчик с приборами и ушел.

А я осталась жить свою замечательную жизнь.

Никогда не мечтала жить в деревне. Не было такого плана. Родилась я в маленьком городке. После школы пять лет училась в Минске, потом еще пять лет работала инженером. А когда у меня закончился контракт, ушла с когда-то любимой работы «в никуда». Без каких-либо внятных причин, кроме одной: я уже долгое время чувствовала себя не на своем месте и через силу каждый день шла несколько метров от остановки до офиса.

В тот момент я почувствовала, что стрелки моего жизненного пути переведены. До развилки осталась пара шагов, все указатели и ориентиры в тумане. Но если сейчас не повернуть, то слетишь с обрыва. Было страшно, но жить хотелось сильнее.

И я ушла. Лишилась места в общежитии. Полгода жила у друзей и не представляла, как устроится моя жизнь. Папа каждый день напоминал мне, что я ее уже погубила.

К этому времени я регулярно писала в «Живом журнале» и думала, что буду работать креативным копирайтером в каком-нибудь креативном агентстве с очень креативными коллегами. Искала, но дальше тестовых заданий дело не продвигалось.

Настало лето, и я подумала, почему бы на это теплое время не перебраться в деревню, где когда-то жили мои бабушка с дедушкой и прошли самые счастливые дни моего детства. Просто чтобы выдохнуть и подумать, что делать дальше. А оказавшись на этой земле, поняла, что наконец по-настоящему вернулась домой.

Сразу вспомнилось: лето, каникулы, я деревне, и мне здесь очень хорошо, но я ужасно скучаю по дому. Знаю, что вечером должен приехать папа, но до вечера еще очень долго. Поэтому я забираюсь на столб

с черными проводами, напряженно смотрю и слушаю. Тогда еще не было сотовых телефонов, и узнать, когда приедет папа, можно было только так. Залезть на столб, прижаться к шершавому дереву и ждать. Когда вдалеке появлялась красная «Ява», красный шлем и папина черная куртка — это было счастье. Такое большое, что я бежала со всех ног ему навстречу и где-то на повороте прыгала в коляску мотоцикла.

Вернуться в деревню после десяти лет жизни в столице оказалось для меня как мчаться с горки на велосипеде, как прыгнуть папе в коляску мотоцикла. Абсолютное, дармовое счастье.

В свое первое взрослое лето в деревне я лежала на лавочке под ветками абрикоса, читала книгу и думала всерьез, что попала в рай. Тогда мне очень захотелось посмотреть, как тут осенью, зимой, весной. Было так хорошо, что совершенно непонятно, зачем от этого «хорошо» уезжать.

Очень быстро именно здесь, как многие говорили мне, в какой-то глуши, у меня появились дела. Я делала репортажи, в которых рассказывала о жизни маленького городка, расположенного в семи километрах от моей деревни. Позже, благодаря этим репортажам, мне предложили работу журналистом в Свято-Елисаветинском монастыре.

С местным фотографом мы стали делать материалы про жизнь простых людей — жителей маленького города и деревень — и размещать их в своих социальных сетях. Судьбы этих неизвестных людей — свидетельства света и силы внутри человека — получили живой отклик читателей.

Потом я начала преподавать в воскресной школе в Спасском монастыре, вести киноклуб и писательскую школу для молодежи.

Параллельно завела блог. В нем я рассказывала о жизни в деревне, о семейном музее, о праздниках, которые моя мама устраивала для деревенских детей, и о папиной картошке. И получала много отзывов о том, что моя простая жизнь дает силы жить другим.

Да, здесь бывает очень, очень трудно. Справляться с бытом, с одиночеством ноября.

Например, просыпаешься ночью от жуткого холода, понимаешь, что потух газовый котел и его не включить. Идешь в сарай за дровами, топишь печь-грубку и думаешь: «Оля, может, ты дура? Может быть, ты ошиблась? На что похожа твоя жизнь?»

Потом смотришь наверх и опять думаешь: «Господи, а Ты не ошибся? Ты точно уверен, что мы всё правильно делаем?»

Но потом ты выходишь утром во двор и видишь снег. И ты точно, совершенно точно знаешь, что этот снег специально для тебя.

Иногда я совсем не понимаю Божий план. Даже ругаюсь с Ним и спору: «Я слабая женщина. Ты Сам говорил, что я немощный сосуд, я не справляюсь! Ты меня вообще видишь, а?»

Бог, конечно, молчит. Только хитро подмигивает. И в этот момент снежинка падает с Его ресниц на мою раскрытую ладонь.

«Ладно, Господи, что угодно, только с Тобой», — примиряюсь я и с Ним, и с жизнью.

Завариваю кофе, звонит мама и поет в трубку песню «Яблоки на снегу». А я иду в сарай за дровами и надеваю вторые носки.

Так мы с Богом остаемся зимовать.

Переезды, съемные квартиры, комнаты в общежитии... Если описать мой главный ужас от кочевой жизни в большом городе картинкой — это я рядом со стиральной машиной, которую после очередной смены жилья не знаю, как подключить и кого об этом просить.

Накануне моего окончательного разрыва со столичной жизнью я снова переезжала. Помню, как друзья складывали все мои вещи на асфальт возле входа в общежитие. Пошел дождь. А я бессильно смотрела, как мокнут коробки, не пытаюсь их спасти.

Приехал грузовик, вещи погрузили. Водитель, увидев меня, сказал: «А-а-а, это опять вы?»

В этот момент подруга протянула мне красный плотный конверт и тихо сказала: «Я решила, что сегодня это тебе пригодится».

Я открыла конверт. Внутри лежала фотография. На ней был вечер и белый дом. Возле него — дерево. Под голой веткой горела одна звезда. А в окне дома — желтый свет. Снимок сделала моя подруга — как-то мы с ней увидели этот пейзаж и решили, что у каждой из нас когда-нибудь должен случиться такой вот дом: с желтым светом в окне и звездой под ветками.

...В моем доме в деревне окна веранды светятся желтым, рядом растет яблоня, а под ее веткой висит звезда. Прежде чем войти, я всегда останавливаюсь. И думаю, что мое желание сбылось.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕС

Мама меня спрашивает:

- А что ты будешь делать в деревне одна?
- Ну, вот проснусь рано утром и побегу в лес.
- И скажешь ему: «Здравствуй, лес»?
- И скажу ему: «Здравствуй, лес».

Мое первое лето в деревне. Я сижу на лавочке под абрикосом. На столе белая скатерть, чугунная сковорода с молодой картошкой, малосольные огурцы. Двор утопает в зелени июля, вокруг меня летают бабочки и стрекозы. Жизни вокруг слишком много, мне сложно вынести ее полноту. Я не привыкла к ней.

В нашем детстве у бабушки всегда был цветной забор. Первым делом, когда я приехала сюда, решила его обновить. Нашла в сарае краску и целыми днями раскрашивала штакетник в желтый, синий, зеленый, красный цвет. Было чувство, что замазываю трещины не только в досках, но и в своей душе.

В деревне нет централизованного водоснабжения. Я принимаю душ под бочкой с краном. Чтобы почистить зубы, нужно вытянуть ведро воды из колодца, наполнить умывальник. Мыть посуду приходится, вскипятив чайник, а сушить — на полотенце, расстеленном на уличном столе.

Дно жестяного корыта шершавое от ржавчины. Чтобы помыться, одно ведро воды кипячу в большой алюминиевой кастрюле, другое — выливаю в корыто холодным. Поливаю ковшиком свои острые колени,

плотно придвинутые к подбородку, укутываю, заворачиваю себя теплом.

И то ли потому, что купали в этом корыте по очереди нас, четверых детей, то ли оттого, что шторы крепко задернуты и свет на кожу падает только от свечи у старой иконы, эта кухня в деревенском доме вдруг становится тихой купелью. А мытье — таинством.

Каждый день мне кто-нибудь говорит, что не понимает, как я тут живу одна. А я не одна. Сосед Колян, шатаясь, восхищается тем, как красиво я покрасила забор. Игорек каждое утро гонит мимо моего дома деревянную повозку на ферму и обязательно кричит, не стесняясь, на всю улицу, взять ли на мою долю молока.

А еще часто спрашивают — не страшно ли мне тут одной. Но как может быть страшно в доме, где жили мои бабушка и дедушка?

Здесь, сидя на заборе вечерами, мы сжимали в руках жестяные «кубки» и ждали парное молоко. Корова у забора била хвостом, а бабушка кричала ей грозно: «А то шо за праява ліхая!»

В этом доме висят их иконы, перед которыми дед молился утром и вечером. А у печи сидела бабушка. Она прислонялась к печке спиной и смотрела телевизор, по которому показывали всего два канала. Я не знаю места на земле, где могу спать спокойнее.

Чтобы лечь на кровати за печкой, нужно снять восемь больших подушек. На подушках — бабушкой вышитые цветы. Затем — шесть пуховых одеял. Они все лежат слоями на кровати за печкой, потому что тоже бабушкины, и куда их еще деть.

Когда кровать становится низкой, забираешься под последнее одеяло. Слева на стене ковер, справа — шкаф, за головой — печь. И ты лежишь на кровати, как будто в маленькой комнате. Одеяло большое, тяжелое

и толстое. Ты под ним совсем беззащитный, меньше, чем привык о себе думать.

Дом остывает за ночь, нос тоже хочется спрятать. Опускаешься под одеяло с головой, съезжаешь, как с детской горки. И тебе темно. И ты лежишь в теплом море, как рыба. Поджимаешь колени к груди, трешь пятки друг о дружку, как всегда делает мама и как всегда это тебя раздражало.

И засыпаешь.

В деревне мужики всегда знакомятся так: «А ты чья?»

А отвечать нужно так: «Васина».

Потому что здесь ты не живешь сам по себе. Ты обязательно часть чего-то большего.

В шкафу я нашла старинный молитвослов. Медленно листаю его серо-голубые страницы, чтобы выпуклые шершавые буквы вдруг не рассыпались от времени. Книге больше ста лет. А значит, ее держал в руках не только мой дед, но и прадед. Листать эти страницы — это как взять предков за руки и, стоя плечом к плечу, прочитать молитву.

Ты чья?

Я Васина. Я деда Гриши. Я прадеда Данилы.

За моей спиной есть земля, есть дом, есть род. Здесь я это чувствую кожей.

Здравствуй, лес. Здравствуй, дом. Здравствуй, я.

В детстве мы гурьбой ходили купаться на местную сажалку, рукотворный пруд — с водорослями, острыми ракушками на дне, густым ковром тины, толпой деревенских детей. Но для нас это было целое море. Для полного счастья нужно было взять с собой в дорогу рогалики тети Марии, еще неспелые яблоки белый

налив, компот и бабушкины блины. И купаться, конечно, до «синих губ».

Рядом с нашим «морем» был хутор. В то время в нем уже никто не жил. И все мы мечтали поселиться на этом хуторе. Просыпаться утром и идти купаться в «море». Вот бы так повезло.

В прошлом году местные из соседней деревни наняли технику, расчистили сажалку от водорослей, построили беседку, сделали пляж.

Дом на хуторе давно сгорел. Участок выкупил сосед. У него там стройка и пчелы. Он ездит туда из деревни на мопеде и летом каждое утро купается в «море». По дружбе сосед разрешает мне ходить по его хутору, слушать, как шелестят вековые липы, взмывать выше ели на качелях и совершенно не ведать преград.

Приехала сегодня туда. Походила. Посмотрела на просторы. Подышала. Села на качель, оттолкнулась ногой от земли и подумала, что, кажется, из всей нашей компании для меня это место — по-прежнему главный жизненный успех и везение. И, кажется, я максимально к нему приблизилась. То есть вообще не выросла из детских мечт.

Когда бабушка получала пенсию, надевала святочное платье, платок-хустку и шла в магазин. В коричневой тканевой сумке приносила ржаной хлеб, батон, пряники и банку той самой гущенки.

Банка одна, а внуков четверо. Делить на всех доверяли нашей тете Марии. Она ставила на стол четыре эмалированные чашки с белкой на боку и разливала на всех. Мы сидели, затаив дыхание, и смотрели, как

сгущенка перетекает из одной чашки в другую, пока не остановится на уровне хвоста белки.

Есть сгущенку было таинством. Мы для этого строили шалаш — забор, трава, одеяло — и усаживались в нем с кружками в руках. Ели долго. Прежде чем слизать с ложки сладкую лаву, я рисовала льющейся белой змейкой круги в кружке. А еще можно было высунуть язык и ловить струйку им.

Мы тогда не думали о том, кем станем, когда вырастем. Главным во взрослом мире было то, что можно купить себе одному целую банку сгущенки и съесть, не разливая на четыре кружки.

Прошло сто лет. Можно купить не одну, а пять банок сгущенки, можно даже построить шалаш и снова высунуть язык. У сгущенки тот же ГОСТ и цвет упаковки.

А вот вкус почему-то совсем другой.

Слово, которое точнее всего описывает этот этап моей жизни, — «возвращение».

Я вернулась не только в деревню. Не только туда, где родилась, но и к вере, от которой когда-то ушла. К делу — писательству, журналистике, — которое стало моим ремеслом.

Это место стало началом моей новой, настоящей жизни, где нет ничего лишнего. Где все подчинено смыслу и Божьему замыслу о тебе. Мне очень сложно стало уезжать из деревни, даже ненадолго. Вспоминаю работу в офисе и свое ежедневное желание куда-то непременно уехать, заполнить выходные, иначе рабочую неделю не протянешь. Живешь от поездки до поездки.

А сейчас купишь билеты и думаешь: «Зачем? Мне же тут хорошо». Уже в поезде открываю Бунина и сразу же читаю: «И правда, зачем я еду? А главное, всегда кажется, что где-то там будет что-то особенно счастливое, какая-нибудь встреча». Думаю о том, что Бунин, конечно же, смекал.

Чувство обретенного дома все больше крепнет внутри меня. И я пока не знаю, что в этой жизни может быть дороже него.

Дядя Валера спрашивает меня, шутя: «Оля, ты уже написала сборник „Лето. Деревня. Избранное“?»

А мне действительно хочется тут все описать. И тропинку к озеру, и клямку на двери сарая, и камень возле колодца. Для меня тут каждый день — чудо. Когда приходит в гости еж или пролетает в небе аист. Когда на скатерть садится красная стрекоза.

Писательница Ольга Примаченко писала: «Я хочу тихую, скучную, счастливую жизнь, о которой нечего рассказывать, но которая дает мне все, чтобы чувствовать себя в потоке».

И теперь, кажется, я поняла, что именно она имела в виду.